

может рассмотреть интересующие его вопросы в широком историческом контексте, тем самым увидев то, что не могли заметить современники. Но и здесь Веселовский пишет о необходимости осторожности: «Историк всегда подвергается опасности (искушению) объяснять и оценивать те или иные явления прошлого по результатам»¹. Историк как бы навязывает прошлому то, чего там никогда не было. Это может привести не только к тому, что исследователь неправильно интерпретирует исторические процессы или события, но и вообще потеряет «способность устанавливать факты прошлого».

4. Московские историки и «Академическое дело»

Ситуация, когда параллельно друг другу существуют две корпорации историков, не могла продолжаться вечно. Новые власти терпели «старых специалистов» только до тех пор, пока их нечем было заменить. Как только для нормального функционирования сети высших научных учреждений было обучено необходимое количество молодых специалистов-марксистов, над историками «старой школы» начали сгущаться тучи.

В конце 1920-х — начале 1930-х гг. по стране прокатилась целая серия процессов над политическими партиями, старой интеллигенцией, техническими специалистами. В науке это вылилось в «Дело славистов», аресты археологов, биологов и, конечно же, знаменитое «Академическое дело». Среди историков до сих пор нет единого мнения относительно того, кто являлся инициатором процесса. С точки зрения А.Н. Цамутали, Б.В. Ананьича, С.Б. Свердлова и В.М. Панеяха, безусловным заказчиком дела является советская власть в лице ОГПУ. Иного мнения придерживается В.С. Брачев, утверждающий, что «Академическое дело» спровоцировали историки-марксисты для борьбы против конкурентов, т. е. историков «старой школы»². Думается, что в данном споре ближе к истине первые. Об этом свидетельствуют и найденные документы³, и сам контекст эпохи. Синхронная серия процессов не могла возникнуть случайно или оказаться простым совпадением. Трудно также представить, что историки-марксисты рассматривали в качестве своих соперников биологов, против которых также проходили процессы в конце 1920-х — начале 1930-х гг. Тем не менее не стоит забывать и то, что персональный

¹ Там же. С. 227.

² Подробнее о полемике см.: *Панеях В.М.* К спорам об «Академическом деле» 1929–1931 гг. и других сфабрикованных политических процессах // <http://www.rostmuseum.ru/publication/srm/013/paneyah01.html>.

³ «Осталось еще немало хлама в людском составе». Как начиналось «дело Академии наук» // Источник. 1997. № 3–4.

состав репрессированных формировался по принципу их конфронтации с главой советской официальной гуманитарной науки М.Н. Покровским.

В начале 1929 г. произошел скандал на выборах в Академию наук: три кандидата-марксиста, А.М. Деборин, Н.М. Лукин и В.М. Фриче, не прошли в Академию. В то же время баллотировавшиеся Веселовский и Яковлев были выбраны членами-корреспондентами АН СССР. В выборах участвовал и Бахрушин, которого выдвинул С.Ф. Платонов¹, но, так же как Б.Д. Греков и А.И. Андреев, тогда он не набрал необходимого количества голосов. Случившееся вызвало серьезное недовольство властей, убедившихся в неблагонадежности Академии, остававшейся центром, где «засели старые специалисты». Особенно была очевидна оппозиционность историков. «Первым звонком» для историков «старой школы» стало закрытие РАНИИОН. Формально все началось в 1928 г. с возмущенного письма аспирантов, выступивших против засилья в институте представителей старой исторической науки². После закрытия РАНИИОН появилась статья М.Н. Покровского. В ней автор выражал удовлетворение по случаю ликвидации учреждения, где, по его словам, сосредоточились антимарксистские кадры. Напечатанная в «Правде», она имела практически официальный статус и выражала мнение власть имущих. В статье Покровский значительное место посвятил критике книги Веселовского о генезисе вотчинного государства. Особенно его возмущало то, что авторитетный историк не удосужился ознакомиться с марксистской литературой, прежде чем опубликовать свои выводы. В работе Веселовского Покровский увидел «строго юридический подход». «В это время совершенно игнорировать классовый анализ и экономическую обстановку — это имеет совершенно определенный смысл. Перед человеком грома марксистских и полумарксистских работ по русской истории. До всего этого ему нет никакого дела. Как отцы и деды исследовали, так и я буду исследовать. И молодежь учить исследовать... Совершенно специфический смысл имеет исследование проф. С.Б. Веселовского, выпущенное, так сказать, под нос сообществу историков-марксистов. Нате, мол, кушайте. Вы там об историческом материализме рассуждаете, а я буду чисто идеалистическим способом оперировать. И выпущу это не в своем частном издании, а под маркой вашего же, советского института истории»³. Такие обвинения со стороны официального главы могли рас-

¹ Горская Н.А. Борис Дмитриевич Греков. М., 1999. С. 70.

² Сидоров А.В. «Историк-марксист» семьдесят лет назад: смена приоритетов в советской исторической науке // История и историки: Историографич. вестник. 2007. М., 2009. С. 165.

³ Покровский М.Н. О научно-исследовательской работе историков // Правда. 1929. 17 марта (4197).

цениваться только как прямая угроза, впрочем, до реальных действий дело пока не дошло.

Хотя, видимо, многие историки «старой школы» уже догадывались, куда могут привести события. Один из виднейших московских историков, Готье, в 1929 г. потерял сразу три рабочих места, будучи уволенным из ГАИМК, ГИМ и РАНИИОН¹. Это был тревожный знак. В 1930 г. проходили проверки в Ленинской библиотеке, где всплыли истории с обвинениями в адрес Готье и Яковлева в хищении «социалистической собственности» в годы Гражданской войны и начале 1920-х гг. Кроме того, во время проверки Готье вменяли в вину то, что он «в первые годы революции ожидал падения советской власти, в то же время на словах будучи лояльным»². Особенно старался очернить историков их бывший коллега, а теперь один из руководителей библиотеки, А.К. Виноградов. Его характеристики, данные Готье, Яковлеву и Бахрушину, видимо, сыграли не последнюю роль в деле против них. По воспоминаниям Н.Я. Горбачевской, Яковлев говорил ей, что во время следствия «чувствовал руку» Виноградова³.

Готье, для отведения от себя обвинений, вынужден был заручиться поддержкой академика Е.А. Чаплыгина, который подтвердил его благонадежность 8 января 1929 г., и Ст. Кривцова, сделавшего это 13 июня 1930 г.⁴. Впрочем, это его не спасло. В 1930 г. в центральных советских научных печатных органах вышло сразу две ругательных рецензии на книгу «Железный век в Восточной Европе». Первая принадлежала известному археологу В.И. Равдоникасу. В брошюре, выпущенной в «Известиях Государственной академии материальной культуры» и воинственно озаглавленной «За марксистскую историю материальной культуры», содержалась тенденциозная критика исследования Готье. Автор писал, что монография представляет собой «целый букет буржуазных теорий» и «являет пример эклектизма»⁵. Археолог-марксист указывал на то, что Готье якобы целенаправленно не учитывает современных (читай, советских) достижений археологии. Равдоникас, верно указывая на то что в книге Готье центральное внимание уделено истории колонизации, возмущался тем, что ученый ни слова не говорит о яфетической теории Н.Я. Марра, официально к тому времени признанной единственно верной. По этой теории культуры развиваются независимо друг от друга,

¹ АРАН. Ф. 491. Оп. 1. Ед. хр. 66.

² Цит. по: Куглюковская Л.И. Указ. соч. С. 32.

³ Андреева О.В., Куглюковская Л.И. Указ. соч. С. 30.

⁴ АРАН. Ф. 491. Оп. 1. Ед. хр. 68. Л. 1–2.

⁵ Равдоникас В.И. За марксистскую историю материальной культуры. Л., 1930. С. 82.

а не путем постоянного соприкосновения и взаимовлияния, как это показал Готье, описывая процессы колонизации. Подход Н.Я. Марра импортировал самому Сталину, видевшему в нем научное обоснование теории «построения социализма в отдельно взятой стране». Но Готье не признавал не только яфетическую теорию. Равдоникас не находил в его работах и намека на формационный подход. Вывод звучал как призыв изгнать из археологии наследие буржуазных историков. «И не пора ли превратить эти науки из убежища для чуждых или враждебных марксизму идеологий в цитадель и рассадник подлинно марксистской мысли?»¹ — недвусмысленно заявлял автор.

Еще грубее и тенденциознее (а по сути, абсурднее) звучала рецензия некоего И. Куршанака. В отзыве, напечатанном в журнале «Историк-марксист», он утверждал: «Книга эта — образчик того, как создается буржуазной профессурой идеология интервенции против СССР»². Маститый историк был обвинен в потворстве евразийцам и иностранным разведкам. Разбирая монографию Готье, рецензент обнаружил в ней намек на то, что русские могут процветать только в том случае, если ими управляют иностранцы. Далее, по мнению И. Куршанака, следовал «логический» вывод: «Для „процветания“ России нужно преодолеть „народовластие“, „анархизм“, устранить „беспокойства“ и „разрушения“. Как? — Авось придут новые „норманны“ и помогут установить „военную деспотию“. Вот к чему сводится по существу вся эта философия от археологии профессора Готье»³. Очевидно, что автор отзыва играл на настроениях ожидания приближающейся войны с буржуазными державами, сочинив очередную «ответ Чемберлену». Абсурдность таких обвинений никого не смущала, но это был знак, предвещающий большие неприятности. И действительно, Готье оказался одним из первых из московских историков, кого арестовали по «Академическому делу».

Дело развивалось следующим образом. 12 января 1930 г. был арестован академик С.Ф. Платонов. 28 января за ним последовал академик Е.В. Тарле⁴. Их обвинили в создании антисоветской организации, стремившейся к свержению существующего строя. Продолжительное время оба отказывался сотрудничать со следователями, но потом, под давлением, начали давать показания⁵. 8 марта Тарле показал, что в Ленинграде и

¹ Там же. С. 94.

² Куршанак И. Рец. на: Готье Ю.В. Железный век в Восточной Европе. Л., 1930 // Историк-марксист. 1930. Т. 21. С. 115.

³ Там же. С. 118.

⁴ Академическое дело 1929–1931 гг. Вып. 2: Дело по обвинению академика Е.В. Тарле. СПб., 1995.

⁵ Подробнее см.: Академическое дело 1929–1931 гг. Вып. 1: Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова. СПб., 1993

Москве существуют антисоветские группы. Применительно к Москве он говорил: «Касаясь московской группы историков, связанной с организацией через Платонова, в которую входили Любавский, Егоров, Яковлев, Готье, Бахрушин, С.Б. Веселовский и др., мне известно, что они собирались у Богословского, являвшегося центральной фигурой этой группы историков, иногда у Яковлева или Егорова. Собирались, говорили и обсуждали реформы высшей школы, Академии наук и общественно-политические темы»¹. К чести Тарле, в качестве главы группы он указывал на покойного М.М. Богословского, уводя тем самым из под удара остальных.

Вскоре Платонов, видимо, зная о показаниях Тарле, также начал говорить то, что от него хотели услышать. 14 марта в протоколах впервые были упомянуты москвичи: «Касаясь моих связей с учеными, близко мне знакомыми, проживающими в других городах, должен указать на следующих лиц: Богословский (умер), Любавский, Готье, Егоров, Яковлев, также Рязанов, отчасти Полосин и Ульянов в Москве»². Он признал, что между ним, петербургскими историками Н.П. Лихачевым, С.В. Рождественским и т. д. и упомянутыми московскими историками, проходили беседы, касавшиеся политических тем. В частности, он указывал: «Наши установки во мнениях о Брестском мире исходили из того, что „большевики утеряли то, что государство приобрело в течение 200 лет“. Это положение нами расценивалось как противное интересам русского народа»³. Среди московских историков, близких к нему по убеждениям, Платонов называл Готье и Бахрушина. «Можно было бы назвать ак. Тарле и проф. Яковлева, но лишь отчасти по их особому индивидуальному складу и изменчивости настроений»⁴, — добавлял он. Историк сознался в существовании мифической военной организации, во главе которой стояли историки. 24 ноября 1930 г. он указал на Бахрушина, как на наиболее активного члена военной группы⁵.

9 августа 1930 г. Любавский и Готье были взяты под стражу. 12 августа та же участь постигла Бахрушина и Яковлева⁶. Причем последний был арестован во время своей поездки в Смоленск, что не позволило ему даже собрать необходимые вещи⁷. Кроме того, из московских историков под стражу были взяты Д.Н. Егоров, С.К. Богоявленский, Л.В. Черепнин

¹ Там же. Вып. 2. С. 47.

² Там же. Вып. 1. С. 55.

³ Там же. С. 89.

⁴ Там же. С. 98.

⁵ Там же. С. 254.

⁶ Там же. С. 9.

⁷ АРАН. Ф. 1759. Оп. 4. Ед. хр. 309. Л. 1–1 об.

и др. Веселовский, несмотря на то что его имя прозвучало в следственном деле, почему-то избежал ареста. Хотя дамоклов меч занесся и над ним: «А.В. Веселовская, родственница Степана Борисовича, писала его сестре, Л.Б. Ворониной, об его аресте в мае 1930 г. его брата Б.Б. Веселовского, и добавляла: „Степана Борисовича я вижу редко, когда заговариваю с ним — он и сам кандидат. Вид у него скверный“»¹. Причины этого до сих пор неизвестны. По непроверенным слухам, ходившим в исторических кругах, причиной было то, что брат Веселовского учился в одной гимназии с В.М. Молотовым, что и спасло самого ученого от ссылки в 1930 г.². Впрочем, ни один из братьев Веселовского по возрасту не мог учиться одновременно с Молотовым³. Еще одно устное предание семьи Веселовского указывает на заступничество В.П. Волгина⁴.

Единственной «неприятностью» стало то, что историк в 1930 г. был забаллотирован в академики АН СССР. Как утверждал сам Веселовский, это произошло из-за того, что кто-то связал его с «Академическим делом», хотя он по нему не проходил⁵.

Допросы московских историков велись уже после того, как Тарле и Платонов дали компрометирующие показания, что по логике того времени уже предопределило их судьбу. Показания, полученные в ходе следствия, достаточно точно передавали реальные взгляды историков. По справедливому мнению М.В. Мандрик, специально исследовавшей следственное дело Готье: «Показания Готье о его коллегах, политических взглядах и отношении к советской власти во многом перекликаются с дневниковыми заметками... Это позволяет предположить, что на допросах ученый был предельно честен... в изложении своих общественно-политических воззрений»⁶. Так, например, про Яковлева Готье говорил: «Мысли о возможных изменениях в советской системе Яковлев, насколько мне известно, никогда не связывал с иностранной интервенцией и с белой эмиграцией, возвращение которой он рассматривал как

¹ *Переписка* С.Б. Веселовского и Б.Д. Грекова (май 1929 — декабрь 1930 г.) // Документы, современные «Академическому делу» 1929–1931 годов // АЕ за 2001 год. М., 2002. С. 421.

² *Зимин* А.А. Патриархи... С. 63–64. Примечания.

³ Благодарю С.Ю. Шокарева за указание на этот факт.

⁴ *Переписка* С.Б. Веселовского и Б.Д. Грекова (май 1929 — декабрь 1930 г.) // Документы, современные «Академическому делу» 1929–1931 годов... С. 421.

⁵ С.Б. *Веселовский* в письмах, мемуарах, дневниках / Подг. А.М. Дубровский // Отечественная культура и историческая мысль XVIII–XX веков. Брянск, 2004. С. 228–229.

⁶ *Мандрик* М.В. «Я не марксист и за марксиста себя не выдаю»: Историк Ю.В. Готье и «Академическое дело» // Исследования по русской истории: Сб. статей к 65-летию И.Я. Фроянова. СПб.; Ижевск, 2001. С. 332.

величайшее бедствие. Изменения он считал возможным со стороны крестьянства... Как человек очень независимых взглядов, Яковлев ставил буржуазно-либеральную интеллигенцию очень низко и говорил, что нет лучшего юмористического чтения, как чтение „Русских Ведомостей“ за эпоху Временного правительства»¹. Несмотря на то что эти показания были получены под давлением, суть взглядов Яковлева, видимо, передана верно. Бахрушину была дана следующая характеристика: «Не монархист, хотя происходит из крупной буржуазии — человек с социалистическими взглядами, приобретенными в дореволюционное время». Далее он утверждал, что в последние годы Бахрушин активно интересуется марксистской литературой², что совпадало с методологическими поисками историка. На вопросы о существовании военной организации Готье отвечал отрицательно, хотя и не отвергал фактов существования кружков, где обсуждались злободневные политические проблемы. В допросах проскользнуло и признание Готье в том, как он видит свое место в советской системе: «Я полагал, что все люди со специальными знаниями будут нужны и пролетариату; я не делал попыток бежать или эмигрировать и убежденно остался при своих обязанностях преподавателя вуза и библиотекаря, какие я в то время занимал. Я был убежден, что раз я внутренне революцию принял, то всякая борьба против нее исключается для меня навсегда. Я пришел к этому сознанию добровольно и остаюсь ему верным до сих пор; я решил работать далее и в Румянцевском музее, был и одним из первых, кто стоял за немедленное фактическое сотрудничество с Соввластью. Вполне искренне и с полной честностью исполнял свои прямые обязанности, гражданские и научные... я полагал, что я выполняю все, что от меня требуется в новой жизни, и что мои обязанности к Соввласти исчерпываются»³. В общем-то, здесь Готье выразил мнение большинства своих коллег: надо честно работать для спасения культуры и в условиях новой власти. В этом смысле, видимо, не стоит разделять категорического мнения Б.В. Ананьича, А.Н. Цамутали и В.М. Панеяха о нерепрезентативности дела как исторического источника. Безусловно, это дело было сфабриковано, но если проводить сверку показаний с другими источниками, то можно выявить много интересных вещей, в частности общие черты мировоззрения его участников.

Непрекращающиеся допросы давались очень тяжело уже немолодым ученым. Так, с Яковлевым случился сердечный приступ. Его жена, Ольга, просила помощи у Покровского. 16 ноября 1930 г. она писала всеильному главе Наркомпроса: «Здоровье его уже сильно пошатнулось —

¹ Там же. С. 335.

² Там же.

³ Там же. С. 346.

никогда не страдав прежде сердечными болезнями, он перенес в тюрьме несколько сердечных припадков... он доведен до того состояния, когда человека можно обвинить в чем угодно»¹. Она просила Покровского дать ОГПУ разъяснения по поводу личности своего мужа, думая, что это облегчит его положение.

Фигура Покровского неоднократно всплывала в неофициальных беседах подследственных. Известный петербургский историк и культуролог Н.П. Анциферов, также проходивший по «Академическому делу» и оказавшийся в одной камере с Бахрушиным, впоследствии вспоминал о своих беседах с ним. Он писал: «Бахрушин рассказал мне много интересного о нашем деле. В основе его лежали разговоры на квартире у С.Ф. Платонова, в которых высказывались критические суждения, касательно политики партии и правительства, особенно доставалось профессору Покровскому, которого очень не любили и называли „гнусом“». В записках проскальзывает и любопытное наблюдение над политическим мировоззрением Бахрушина. По свидетельству Н.П. Анциферова, историк считал, что старая «интеллигенция обанкротилась»². Это в очередной раз указывает на то, что в послереволюционное время Бахрушин придерживался так называемой «веховской идеологии».

Все фигуранты дела были приговорены либо к ссылке, либо к лагерям. В этой связи надо остановиться на одном вопросе. В предисловии к изданию «Академического дела» авторы почему-то попытались увидеть, основываясь на предположении, что в нем активно участвовал М.Н. Покровский, продолжение борьбы Московской и Петербургской школ. Данное утверждение не выдерживает критики: представители Московской исторической школы, и это очевидно хотя бы по количественному составу, пострадали не меньше, чем петербуржцы. Желание увидеть (или сделать намек на это) в «деле» борьбу Московской и Петербургской школ вряд ли уместно, поскольку это была борьба новой власти с отказывающимися принять ее учеными.

Чем моложе был подследственный и, следовательно, «занимал» менее высокие посты в мифической организации, тем суровее был приговор. Старшее поколение «отделалось» ссылками. Готье был сослан в Самару, Бахрушин — в Семипалатинск, Яковлев — в Минусинск. О пребывании московских историков в ссылке известно мало. Все они не прерывали научной деятельности, по мере сил и возможностей занимаясь исследованиями. Их быт был предельно спартанским. Так, сохранились рисунки Бахрушина, запечатлевшие дом, где он жил в Семипалатинске. На кар-

¹ АРАН. Ф. 1759. Оп. 4. Ед. хр. 309. Л. 3–3 об.

² Анциферов Н.П. Из дум о былом. Воспоминания. М., 1992. С. 368.

тинке перед нами предстает небольшое деревянное строение. Внутри дома — весьма скромная обстановка: печка, кровать и два стола¹.

Готье за время своего пребывания в ссылке получил грамоту ударника «За высокое качество краеведческих исследований по Волгострою»². Бахрушин решил подвести итог жизненному пути, который он уже прошел к тому времени. Именно в Семипалатинске он пишет свои знаменитые записки, получившие название «Table-talk» (застольная беседа). В них он подчеркивал: «События 1930 г. положили определенную грань в моей жизни, насильственно прервав мою научную работу, и кто знает, возобновится ли она и в каких условиях. Невольно поэтому хотелось бы подвести итоги своей научно-педагогической деятельности»³. Действительно, события 1930 г. стали рубежными в развитии научного творчества Готье, Бахрушина и Яковлева. Вернувшись из ссылки, они уже быстрее шли на сотрудничество с властью, старались адаптироваться. Примечательно, что, не проходивший по делу Веселовский, не познавший страха допросов и тюрьмы, из них всегда будет занимать наиболее независимую позицию.

Подводя итоги, отметим, что 1920-е гг., несмотря на трудности, были временем напряженного научного труда. Работы А.И. Яковлева и С.Б. Веселовского в области археографии, монографические исследования С.В. Бахрушина, С.Б. Веселовского и Ю.В. Готье свидетельствуют о все еще высоком потенциале их как ученых. На 1920-е гг. пришелся расцвет творчества С.В. Бахрушина. Накопленный исследовательский опыт позволил ему создать несколько важных трудов, в том числе монографию, посвященную истории колонизации Сибири. В то же время положение «историков старой школы» было весьма шатким в системе советской исторической науки. «Академическое дело» это наглядно показало, оставив в их душах чувство неизгладимого страха.

¹ Дубровский А.М. Жизнь и графика историка // Отечественная культура и историческая мысль XVIII–XX веков. Брянск, 2004. С. 258–261.

² АРАН. Ф. 491. Оп. 1. Ед. хр. 72. Л. 1.

³ Там же. Ф. 624. Оп. 2. Ед. хр. 70. Л. 70.